

новые
стихи

*Вера
Араманова*

Я горька, словно совесть

49

* * *

И не грусти, человече!
Сон меж разлукой и встречей
долг, а всё же не вечен.
Можешь помедлить немного,
просто присесть на дорогу...
Вечно она у порога.
Вечно она от крыльца
льётся, туманясь немного,
светлою мукой с лица.

* * *

Кто сравнил дорогу с нервом?
Вдруг никто, и буду первой.
Но сквозь сердце этот нерв
прогрызает путь как червь.

Пусть сравнение и странно.
В половину бездыханно,
сердце, ты себе не лги.
Солнце светит, а ни зги!

А за первым поворотом
вдруг взмахнёт рукою кто-то,
но прощальный этот жест
нерв дорожный тоже съест.

Всё проглотит, всех отнимет.
Я опять одна отныне.

* * *

Сколько Бога ни просила,
а всё чаще, гуще страх.
За окном лежит Россия.
Вся холодная, в снегах.

Надрываетя автобус,
и лечу я в никуда.
Сверху небо, снизу глобус,
и железная звезда

бъётся о грудную клетку –
нет и сил уже терпеть.
Как умру, на снежной ветке
стану я об этом петь.

50

Безнадёжное, новогоднее

Расстаться с любимым невыносимо –
городом, деревом, берегом, сыном...
Боль – в подворотне внезапная финка.
Содрана почва и до суглинка.
Вырвано, выдрано – до одного.
Больше не вырастет здесь ничего.

ЖИЗНЬ

Ни хороша и ни плоха,
но – есть! И большего не требуй.
И под большим казанским небом
да будет ночь твоя тиха.

Точи потоньше карандаш,
вози с собой тетрадь в повозке.
Нет сил? – и это не загвоздка:
займи! А вдруг потом отдашь.

Займи, раз плоть твоя больна,
а дух – седой, усталый путник.
Он выбирает не распутье,
а тень скамейки у окна.

В округе – беглые стихи.
Придут – потребуют к ответу.
Они как вороги лихи –
в вопрос согнули божье лето.

я горька, словно совесть

Девичье- полынное

Я лишь травка простая,
моё имя полынь,
и шепчу, прорастая:
не покинь, не покинь!

День ненастный, но светлый,
с ночи солнышка ждёшь.
Не покинь меня, свет мой,
напои меня, дождь.

Я живуча, и силу,
если хочешь, сорви.
Я спасу от могилы,
от беды и любви.

Я древнее, чем знанье,
моя горечь не в счёт.
И бессонница злая,
и печаль отойдёт,

не поддашься простуде,
не устанешь со мной,
лишь вдохни всею грудью
честный запах земной.

Я трава – не отрава,
не сладка, словно ложь,
не лукава, как слава,
но со мной обретёшь.

Я горька, словно совесть.
Изготовь амулет,
да зашей меня в пояс –
обойдёшься без бед.

Люди сладкое любят,
люди любят цветы,
бестолковые люди.
Бестолковый и ты.

Верная жена

Мне б сегодня спать пораньше лечь,
потому что не хватает свеч,
не хватает лошадиных сил,
и мужик моё пальто пропил.

А уж так угваздалась в хлеву,
наплевать на танцы под луной.
Несмотря на сельскую молву,
ты пошто опять идёшь за мной?

И пошто под глазом-то фонарь?
наступил на грабли, говоришь?
Ты мозги-то Варьке-дуре парь,
лучше отвали, прошу, парниш!

Давеча опять ругала мать,
и убеждена моя свекровь,
что у нас давно с тобой любовь...
Я тебя устала прогонять!

Всё, идит-ко! прощевай пока!
Дома тоже дел невпроворот.
Ой, я что, не видела цветка?!
Где сорвал, у Варькиных ворот?

Вон идёт мой суженый как раз,
у него глаза как васильки...
Коль нетрезвый, то другой свой глаз
береги, Ванюша, береги!

* * *

Как волнуются деревья –
ожили ветра в округе.
Наша добрая деревня
вскочь под ними, как под цугом.
Эх, куда всё полетело?
А к буранам, к пашням белым...
Встречь – зима; закройте ставни,
в доме мрачно, воск оплавлен
у единственной свечи...
Печку греют кирпичи,
как закроешь поддувало.
На полатях горя мало,
нам не страшен зимний страх,
шубуршащийся впотьмах,
пусть глаза его красны –
мы дотерпим до весны.

Последнее слово

Гражданин прокурор, я балда.
Мутная слизь меня окутала,
паутина опутала.
Хотел сказать: нет, говорил: да.
Хотел сюда, а шёл туда.

А что делать – родился чудаком.
Мать поила меня не своим молоком.
А потом возьми да вообще помри,
и стало матерей у меня три.
Каждая с молотком.

И всё по башке, по башке...
Ноги связаны, я в мешке.
Прыг-скок, да через порог не смог.
И вот, видит Бог:
удавился на ремешке.

Слаб оказался тот ремешок,
хорохотал-заливался бывший дружок,
так и ткнул бы его в рыло...
А потом и злость постыла,
понял: не видит меня настоящий Бог.
А то б помог...

Спокойно встал я, и взял я...
и перестал быть хорошим,
всё равно не видит меня мой Боже.
Кровь рекою текла.
Такие мои дела.
Отжил.

* * *

Век ходила бы у большой воды,
 заносила бы башмаки до дыр.

Океану нет разницы,
хороша девица, аль красится.

Ничего бы не было, ничего!
Он любил бы меня, а я – его.

Но судьба иная – у речушек, у рек...
Кто не взъедет на мост, всё дурак аль грек.

Сунет руку, а в руку ему – пятак.
Проезжай, болезный, тут всё не так.

Тут в ушах с рождения шумит прибой,
я была бы рада... да не с тобой.

Душа

Кто ты, дева иль назгул?
...на лету переобулась...
Ах, как юбочка взметнулась,
искрой каблучок блеснул!
Но лицо неуловимо,
переменчиво лицо,
даже прямо смотришь мимо.
Дышишь, как трава, пыльцой
золотистой и пахучей,
вся румяна и бела...
А намедни-то в падучей
билась и глядела тучей,
босиком по стёклам шла.
Вдруг опять чеканным шагом,
под девиз «всегда вперёд»,
словно полк под ярким флагом,
горе переходишь вброд...

То как каменщик усталा,
то играешь и летишь,
то шмыгнёшь под покрывало
и притихнешь, словно мышь.
То жалеешь бедный грошик,
то сто тыщ летят в огонь,
то ты злая понарошку,
то всерьёз тебя не тронь.
То печальная, немая,
робкий взгляд из-под платка.
То бурлива и гневлива,
словно горная река.
То приветлива, как роща,
то опасна, как стрела.
То проста – не сыщешь проще,
как ребёнок весела:
книжки добрые читаешь,
прянник тащишь со стола.
То умчишься с птичьею стаей,
обнаружив два крыла –
жди тебя весь день у окон...
Мне с тобой одна морока.

Нескладушка

Нелюбо смотреть за окошко
в Россию недоброго века,
считать окаянные крошки
и злые законы читать.

Но есть ещё добрые книжки,
и есть ещё солнце сквозь кроны,
и друг есть, который не пишет,
о чём нам друг другу писать?

О том, что закончилось поле,
о том, что ступеньки крутые,
о том, что пора бы на волю,
но Богу, конечно, видней.

* * *

Снегов, дождей слепая взвесь.
Прочти «Палату номер шесть».
Какая жесть, какая месть
за право быть рождённой здесь.

* * *

Последний день стремительного лета,
холодный воздух с медленной реки.
Опять не по погоде я одета,
опять не то, не так и не с руки.

И ледяные злые языки
в уже бескровное вползают лето,
напоминая, что грядёт январь,
что в полынье несладко Серой Шейке,
пока на летней парковой скамейке
готовит осень кисть и киноварь.

Не знать, что завтра, позабыть вчера,
бродить по листьям, не бояться смерти.
На смене фабулы, грозящей круговортью,
услышать журавлиное: пора!
И ждать судьбы пылающий конвертик.

* * *

В Костроме гулял Сентябрь-царевич!
 Золота просыпал – не собрать...
 Под осенним солнышком согреюсь
 и пойду на Волгу – пировать.

Вся она с утра в молочной дымке...
 Тоже не ахти у ней дела.
 Но какое горе, раз в обнимку
 с ней моя докука уплыла!

Вдох и выдох, милая, большая,
 разве у тебя не хватит сил?
 Широка страна моя родная,
 кто б уже её укоротил!

Мы живём вдвоём и умираем,
 нам не страшно правду говорить.
 Широка страна моя родная.
 Только в ней безумно тесно жить.

57

Свидание с другом

Есть кров и хлеб, есть слово и вино,
 есть добрый вечер и, быть может, утро.
 Давай, мой друг, с тобой поступим мудро,
 или немудро. Нам уж всё равно.

Нам всё равно, сказать или смолчать,
 слова поймём, молчание услышим.
 Ну что ты плачешь, дорогой мой? Тише,
 вот дом твой, стол твой, вот твоя кровать...
 Ты будешь спать, а дождь стучать по крыше.

Ну да, зима. Я знаю, это снег. Дождь был давно,
 но так легко представить,
 вначале было слово, и оно
 предвосхищало дождь и снег, и гравий
 прибрежный, и неверный под ногой
 на тонкой шпильке, равно под ботинком,
 ты так же помнишь все эти картинки,
 и ночь, фонарь, и угол у пивной.
 Пивная неизбежна, но она
 прошла и скрылась в сторону Паново,
 а с нами, друг мой, снова только слово,
 Заволжье, сад не спиленный, живой,
 а нынче – ночь, и нечего нам славить.
 И дай ещё подушку мне поправить,
 и банку пива для тебя оставить,
 ведь ты ещё проснёшься, ангел мой.
 Ещё увидимся, увидимся мы, да ведь?

* * *

Птицы звенят и газонокосилки ревут,
юный июнь по тропинке торопится к лету.
Я не спешу, я дышу ещё сдавленно тут,
да и куда торопиться – на Божеский Суд?
Чтобы исчезнуть, а вдруг... и продолжиться где-то?

Может быть, дерево душу впитает мою,
того корнями несчастный мой прах обнимая,
и ничего, что гнезда никому не совью,
и ничего, что уже никогда не спою,
я и при жизни была вполовину немая.

58

Горький остаток, вот ты называешься – жизнь?
Надо собраться, глядеть на тебя посторонней.
Что-то осталось – вот эта лукчистая высь,
Кантом придумана, чётко оформленена мысль,
будто мы связаны с нею каким-то законом...

Трепет священный высокой души, или страх
тела живого скучёт на границе со смертью?
Мысль озирается, словно разведчик впотьмах,
крик остановится на побелевших губах,
да и исчезнет всё вместе со всей круговертью.

...Ну а пока ещё лето, река, камыши,
и не выдумывай страхи – души! И дыши.

Отрада

Покой измученной душе
пусть не заслужен, но дарован.
И снега белого светлей
с Небес на нас слетает слово.
На наши древние Ряды,
на колокольню Спасской церкви.
Как много, Слово, можешь ты...
Не покидай, свети, не меркни.